

Стр. 2. 29 июня 1969 года № 151 (15565)

ВСТРЕЧА

ЕДИНОДУШНОЕ ОДОБРЕНИЕ

БЕРЛИН. Результаты международного Совещания коммунистических и рабочих партий по-прежнему продолжают оставаться ведущей темой печати ГДР. О полном, единодушном одобрении результатов московского форума братских партий трудящихся ГДР свидетельствуют их многочисленные высказывания, публикуемые местной печатью.

Практическая деятельность коммунистических и рабочих партий Советского Союза и других социалистических государств, нарастающие классовые битвы в капиталистических странах и национально-освободительного движения во всем мире, пишет «Полис Дойчланд», вновь и вновь подтверждают универсальный, имеющий всеобщее значение характер марксизма-ленинизма.

УЛАН-БАТОР. Здесь состоялась встреча партийного актива монгольской столицы с главой делегации МПРП на московском международном Совещании коммунистических и рабочих партий Первым секретарем ЦК МПРП, Председателем Совета Министров МПР Ю. Цеденбаем. Говоря о работе Совещания, об огромном значении принятых на нем документов, Ю. Цеденбаев подчеркнул, что на этом форуме восторжествовали идея и дух единства коммунистов и всех прогрессивных сил в борьбе против империализма. Совещание является большой победой коммунистического движения.

СОФИЯ. Документ «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единства действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил» представляет собой конкретную платформу для решительной и бескомпромиссной борьбы против империализма, подчеркивает газета «Литературен фронт» — орган союза болгарских писателей. Болгарские писатели и деятели искусства, отмечает газета, будут черпать из успешной и плодотворной работы Совещания силу для новых творческих свершений на благо мирового коммунистического движения, будущего и прогресса.

БУДАПЕШТ. Московское Совещание коммунистических и рабочих партий дало и раскрепощение этих партий и всех миролюбивых сил эффективное идейное и политическое оружие для борьбы против империализма, подчеркивает журнал «Образование». Этим оружием являются документы, которые одобрены участниками Совещания. Чрезвычайно ценными эти документы делают то, что они со стопроцентной точностью внят в цель. Они правильно анализируют и оценивают сложное и противоречивое международное положение, подчеркивают тот факт, что наша эпоха по-прежнему является эпохой перехода от капитализма к социализму.

БЕРМУТ. Центральные газеты Ливана опубликовали на видных местах сообщения о состоявшемся 26 июня пленуме ЦК КПСС об итогах московского Совещания коммунистических и рабочих партий.

Прогрессивная газета «Ан-Над» поместила на первой полосе полный текст постановления пленума, принятого по докладу Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнев, указывая в заголовке: «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве — крупный успех коммунистического, рабочего и всего освободительного движения. Центральный Комитет КПСС единодушно одобрил политическую линию и практическую деятельность Политбюро ЦК КПСС, направленную на укрепление единства мирового коммунистического движения, а также работу делегации КПСС на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве».

БРАТИСЛАВА. Все словаческие газеты опубликовали сообщение о состоявшемся в Москве пленуме ЦК КПСС, докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнев и прениях по его докладу. Братиславская «Правда» печатает также изложение постановления пленума, который одобрил политическую линию и практическую деятельность Политбюро ЦК КПСС, направленную на укрепление единства международного коммунистического движения, работу делегации КПСС на международном Совещании коммунистических и рабочих партий. В изложении цитируются абзацы постановления ЦК КПСС, где говорится о значении московского Совещания, дается оценка внешнеполитической линии КПСС и содержится призыв к советским людям уделять особое внимание выполнению государственных планов и заданий пятилетки.

«Правда» печатает также сообщение своего московского корреспондента, подтверждающего, что советская общественность активно обсуждает итоги международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве. КПСС, отмечает корреспондент, придает первостепенное значение дальнейшему развитию социалистической демократии и упрочению Советского государства, уделяет постоянное внимание повышению творческой активности и политическому воспитанию масс.

(ТАСС).

Признаться, не ожидал, тем более, от такого беспокойного человека, как ты, — сказал Синцов.

— Сам не ожидал, — усмехнулся Завалишин. — Успокоился после Сталинграда, что победа будет за нами, и вот тебе результат... Ездил в прошлый месяц в армейский госпиталь, — сказал он, перестав улыбаться. Один говорит: сердце плохо качает, другой говорит: обмен веществ, третий вообще чешет горло: что надо на исследование класть... В общем — загадка природы: хожу столько же, ем и сижу столько же, работаю больше, ласку не меньше, а результат, как видишь...

— А может все-таки сердце? — сказал Синцов, которому вдруг показалось, что в кругу, своим здоровым видом Завалишин было что-то устало и нездоровое, даже отечное.

— Все может быть, — сказал Завалишин. — А возможно, самой природой так было запрограммировано: половину войны протереть тощим, как неуклюжую часть, а потом довести до комплекта. Тебе в живую, а те, с кем вместе живешь, уже перестали замечать. Какой есть, такой и есть. Изыли не говорила тебе, как меня чуть было от него в Политуправление фронта не совсем не затрели, для тарбары с немцами?

— Скажешь, как отбили? — А знаешь, как отбили? Когда рапорт по команде подал, что не хочу, меня сразу во фронт, к самому господину богу, к товарищу Львову. Явился, раб божий, стою перед ним. «Почему отказываешься идти к нам? Важность этой работы понимаешь?» — «Так точно, понимаю».

(Окончание. Начало в № 150).

«Языком владеете?» — «Так точно, владею». — «Так в чем дело? Какие мотивы?». Ответ: «Просто оставить на передовой. Других мотивов нет». Он мне на это и проиней: «Не такая уж это передовая! Если вы замполит полка!» — «А вот в этом уж я не виноват, — говорю. — На войну пошел рядовым и о присвоении званий просить не полагал. Если считать, что оказался далеко от передовой, — готов вернуться к тому, с чего начал».

— Дословно. Так обиделся на него, что в тот момент все трин-травал! — И что же он после всего этого? — спросил Синцов. — После всего этого от него услышал только одно слово: «Цити». И — через левое плечо: «Кругом — к двери, и в полк! Как уже потом узнал, спас себя только тем, что разозлился. У него, оказывается, слабенькая струна — любить в наказание закатывать на передовую. И считает: кто перед ним дрожит — тот этого боится. А я, наоборот, голос повысил, и, оказывается, понравился. Даже потом, когда приехал, делал нам тут раздолб, все же не снял меня. Выяснил, как потом оказалось, у разных людей: правда ли замполит полка передовой не боится. И сам проверял, таскал за собой по переднему краю. Ему, конечно, не показал, по страху с ним натерпелся. Сумасшедший человек! Как ему только до сих пор на войне голову не оторвало — удивительно!

Синцов слушал Завалишина и понимал, что в нем изменилась не только внешность. Он заматерел от войны, и та интеллигентная мягкость, которая составляла в нем раньше одно нераздельное целое, теперь разделилась: интеллигентность осталась, а мягкость исчезла вместе с той прежней быстротой и рабочей улыбкой, которую уже трудно представить на его лице.

— А если как на духу, — сказал Синцов, — почему все же при всем знании языка не представляешь себя работником среди войск противника?

Задавая вслух этот вопрос Завалишину, он внутренне давал ему и самому себе: по-

чему тебе захотелось сюда, в полк? Чем тебе плохо там, где ты есть?

— Видишь ли как, — сказал Завалишин. — Насчет языка. Немецкий язык для меня — язык детства, язык наивной и доброй книжки с картинками, по которой меня учила покойная мама еще до школы. И хотя у меня русская мать, но из-за того, что мы жили в доме, и она все детство учила меня немецкому языку, для меня это не только язык детства, это язык мамы, который потом умерла от голода там же, в Ленинграде, потому что и не смог выжить ее оттуда, а не смог выжить потому, что был в это время на войне, в другом месте, а был на войне, потому что... Мне не легче, а трудней говорить с этими теперешними немцами из-за того, что я знаю язык из детства. Да и не их это язык для меня! Тот язык, который я знаю с детства, для меня совсем другой язык совсем других немцев... Конечно, если бы знал немецкий, пошел бы туда, и работал бы. Может быть даже неплохо. Но охоты к этому нет. После того как взяли их в плен, разговариваем с ними о последствиях жизни. А я хочу быть поближе к причине, к тому, когда мы их в плен берем! В общем — не даю им надежды, потому что у них нет надежды, потому что у нас нет надежды. У Завалишина? — Был в нашем батальоне?

Синцов молча кивнул, ничего не сказал. И Завалишин хорошо понял его молчание. Именно их батальон, тогда, на Курской дуге, под командой Илизина, зашелся и не ушел из-под танков, а потом, когда почти отделился от всего батальона, остался счетом двадцать один человек. А теперь разделился: интеллигентность осталась, а мягкость исчезла. Исчезла вместе с той прежней быстротой и рабочей улыбкой, которую уже трудно представить на его лице.

— А если как на духу, — сказал Синцов, — почему все же при всем знании языка не представляешь себя работником среди войск противника?

Задавая вслух этот вопрос Завалишину, он внутренне давал ему и самому себе: по-

чему тебе захотелось сюда, в полк? Чем тебе плохо там, где ты есть?

— Видишь ли как, — сказал Завалишин. — Насчет языка. Немецкий язык для меня — язык детства, язык наивной и доброй книжки с картинками, по которой меня учила покойная мама еще до школы. И хотя у меня русская мать, но из-за того, что мы жили в доме, и она все детство учила меня немецкому языку, для меня это не только язык детства, это язык мамы, который потом умерла от голода там же, в Ленинграде, потому что и не смог выжить ее оттуда, а не смог выжить потому, что был в это время на войне, в другом месте, а был на войне, потому что... Мне не легче, а трудней говорить с этими теперешними немцами из-за того, что я знаю язык из детства. Да и не их это язык для меня! Тот язык, который я знаю с детства, для меня совсем другой язык совсем других немцев... Конечно, если бы знал немецкий, пошел бы туда, и работал бы. Может быть даже неплохо. Но охоты к этому нет. После того как взяли их в плен, разговариваем с ними о последствиях жизни. А я хочу быть поближе к причине, к тому, когда мы их в плен берем! В общем — не даю им надежды, потому что у них нет надежды, потому что у нас нет надежды. У Завалишина? — Был в нашем батальоне?

Синцов молча кивнул, ничего не сказал. И Завалишин хорошо понял его молчание. Именно их батальон, тогда, на Курской дуге, под командой Илизина, зашелся и не ушел из-под танков, а потом, когда почти отделился от всего батальона, остался счетом двадцать один человек. А теперь разделился: интеллигентность осталась, а мягкость исчезла. Исчезла вместе с той прежней быстротой и рабочей улыбкой, которую уже трудно представить на его лице.

— А если как на духу, — сказал Синцов, — почему все же при всем знании языка не представляешь себя работником среди войск противника?

Задавая вслух этот вопрос Завалишину, он внутренне давал ему и самому себе: по-

чему тебе захотелось сюда, в полк? Чем тебе плохо там, где ты есть?

— Видишь ли как, — сказал Завалишин. — Насчет языка. Немецкий язык для меня — язык детства, язык наивной и доброй книжки с картинками, по которой меня учила покойная мама еще до школы. И хотя у меня русская мать, но из-за того, что мы жили в доме, и она все детство учила меня немецкому языку, для меня это не только язык детства, это язык мамы, который потом умерла от голода там же, в Ленинграде, потому что и не смог выжить ее оттуда, а не смог выжить потому, что был в это время на войне, в другом месте, а был на войне, потому что... Мне не легче, а трудней говорить с этими теперешними немцами из-за того, что я знаю язык из детства. Да и не их это язык для меня! Тот язык, который я знаю с детства, для меня совсем другой язык совсем других немцев... Конечно, если бы знал немецкий, пошел бы туда, и работал бы. Может быть даже неплохо. Но охоты к этому нет. После того как взяли их в плен, разговариваем с ними о последствиях жизни. А я хочу быть поближе к причине, к тому, когда мы их в плен берем! В общем — не даю им надежды, потому что у них нет надежды, потому что у нас нет надежды. У Завалишина? — Был в нашем батальоне?

Синцов молча кивнул, ничего не сказал. И Завалишин хорошо понял его молчание. Именно их батальон, тогда, на Курской дуге, под командой Илизина, зашелся и не ушел из-под танков, а потом, когда почти отделился от всего батальона, остался счетом двадцать один человек. А теперь разделился: интеллигентность осталась, а мягкость исчезла. Исчезла вместе с той прежней быстротой и рабочей улыбкой, которую уже трудно представить на его лице.

— А если как на духу, — сказал Синцов, — почему все же при всем знании языка не представляешь себя работником среди войск противника?

Задавая вслух этот вопрос Завалишину, он внутренне давал ему и самому себе: по-

чему тебе захотелось сюда, в полк? Чем тебе плохо там, где ты есть?

— Видишь ли как, — сказал Завалишин. — Насчет языка. Немецкий язык для меня — язык детства, язык наивной и доброй книжки с картинками, по которой меня учила покойная мама еще до школы. И хотя у меня русская мать, но из-за того, что мы жили в доме, и она все детство учила меня немецкому языку, для меня это не только язык детства, это язык мамы, который потом умерла от голода там же, в Ленинграде, потому что и не смог выжить ее оттуда, а не смог выжить потому, что был в это время на войне, в другом месте, а был на войне, потому что... Мне не легче, а трудней говорить с этими теперешними немцами из-за того, что я знаю язык из детства. Да и не их это язык для меня! Тот язык, который я знаю с детства, для меня совсем другой язык совсем других немцев... Конечно, если бы знал немецкий, пошел бы туда, и работал бы. Может быть даже неплохо. Но охоты к этому нет. После того как взяли их в плен, разговариваем с ними о последствиях жизни. А я хочу быть поближе к причине, к тому, когда мы их в плен берем! В общем — не даю им надежды, потому что у них нет надежды, потому что у нас нет надежды. У Завалишина? — Был в нашем батальоне?

Синцов молча кивнул, ничего не сказал. И Завалишин хорошо понял его молчание. Именно их батальон, тогда, на Курской дуге, под командой Илизина, зашелся и не ушел из-под танков, а потом, когда почти отделился от всего батальона, остался счетом двадцать один человек. А теперь разделился: интеллигентность осталась, а мягкость исчезла. Исчезла вместе с той прежней быстротой и рабочей улыбкой, которую уже трудно представить на его лице.

— А если как на духу, — сказал Синцов, — почему все же при всем знании языка не представляешь себя работником среди войск противника?

Задавая вслух этот вопрос Завалишину, он внутренне давал ему и самому себе: по-

чему тебе захотелось сюда, в полк? Чем тебе плохо там, где ты есть?

— Видишь ли как, — сказал Завалишин. — Насчет языка. Немецкий язык для меня — язык детства, язык наивной и доброй книжки с картинками, по которой меня учила покойная мама еще до школы. И хотя у меня русская мать, но из-за того, что мы жили в доме, и она все детство учила меня немецкому языку, для меня это не только язык детства, это язык мамы, который потом умерла от голода там же, в Ленинграде, потому что и не смог выжить ее оттуда, а не смог выжить потому, что был в это время на войне, в другом месте, а был на войне, потому что... Мне не легче, а трудней говорить с этими теперешними немцами из-за того, что я знаю язык из детства. Да и не их это язык для меня! Тот язык, который я знаю с детства, для меня совсем другой язык совсем других немцев... Конечно, если бы знал немецкий, пошел бы туда, и работал бы. Может быть даже неплохо. Но охоты к этому нет. После того как взяли их в плен, разговариваем с ними о последствиях жизни. А я хочу быть поближе к причине, к тому, когда мы их в плен берем! В общем — не даю им надежды, потому что у них нет надежды, потому что у нас нет надежды. У Завалишина? — Был в нашем батальоне?

Синцов молча кивнул, ничего не сказал. И Завалишин хорошо понял его молчание. Именно их батальон, тогда, на Курской дуге, под командой Илизина, зашелся и не ушел из-под танков, а потом, когда почти отделился от всего батальона, остался счетом двадцать один человек. А теперь разделился: интеллигентность осталась, а мягкость исчезла. Исчезла вместе с той прежней быстротой и рабочей улыбкой, которую уже трудно представить на его лице.

— А если как на духу, — сказал Синцов, — почему все же при всем знании языка не представляешь себя работником среди войск противника?

Задавая вслух этот вопрос Завалишину, он внутренне давал ему и самому себе: по-

чему тебе захотелось сюда, в полк? Чем тебе плохо там, где ты есть?

— Видишь ли как, — сказал Завалишин. — Насчет языка. Немецкий язык для меня — язык детства, язык наивной и доброй книжки с картинками, по которой меня учила покойная мама еще до школы. И хотя у меня русская мать, но из-за того, что мы жили в доме, и она все детство учила меня немецкому языку, для меня это не только язык детства, это язык мамы, который потом умерла от голода там же, в Ленинграде, потому что и не смог выжить ее оттуда, а не смог выжить потому, что был в это время на войне, в другом месте, а был на войне, потому что... Мне не легче, а трудней говорить с этими теперешними немцами из-за того, что я знаю язык из детства. Да и не их это язык для меня! Тот язык, который я знаю с детства, для меня совсем другой язык совсем других немцев... Конечно, если бы знал немецкий, пошел бы туда, и работал бы. Может быть даже неплохо. Но охоты к этому нет. После того как взяли их в плен, разговариваем с ними о последствиях жизни. А я хочу быть поближе к причине, к тому, когда мы их в плен берем! В общем — не даю им надежды, потому что у них нет надежды, потому что у нас нет надежды. У Завалишина? — Был в нашем батальоне?

Синцов молча кивнул, ничего не сказал. И Завалишин хорошо понял его молчание. Именно их батальон, тогда, на Курской дуге, под командой Илизина, зашелся и не ушел из-под танков, а потом, когда почти отделился от всего батальона, остался счетом двадцать один человек. А теперь разделился: интеллигентность осталась, а мягкость исчезла. Исчезла вместе с той прежней быстротой и рабочей улыбкой, которую уже трудно представить на его лице.

— А если как на духу, — сказал Синцов, — почему все же при всем знании языка не представляешь себя работником среди войск противника?

Задавая вслух этот вопрос Завалишину, он внутренне давал ему и самому себе: по-

чему тебе захотелось сюда, в полк? Чем тебе плохо там, где ты есть?

— Видишь ли как, — сказал Завалишин. — Насчет языка. Немецкий язык для меня — язык детства, язык наивной и доброй книжки с картинками, по которой меня учила покойная мама еще до школы. И хотя у меня русская мать, но из-за того, что мы жили в доме, и она все детство учила меня немецкому языку, для меня это не только язык детства, это язык мамы, который потом умерла от голода там же, в Ленинграде, потому что и не смог выжить ее оттуда, а не смог выжить потому, что был в это время на войне, в другом месте, а был на войне, потому что... Мне не легче, а трудней говорить с этими теперешними немцами из-за того, что я знаю язык из детства. Да и не их это язык для меня! Тот язык, который я знаю с детства, для меня совсем другой язык совсем других немцев... Конечно, если бы знал немецкий, пошел бы туда, и работал бы. Может быть даже неплохо. Но охоты к этому нет. После того как взяли их в плен, разговариваем с ними о последствиях жизни. А я хочу быть поближе к причине, к тому, когда мы их в плен берем! В общем — не даю им надежды, потому что у них нет надежды, потому что у нас нет надежды. У Завалишина? — Был в нашем батальоне?

Синцов молча кивнул, ничего не сказал. И Завалишин хорошо понял его молчание. Именно их батальон, тогда, на Курской дуге, под командой Илизина, зашелся и не ушел из-под танков, а потом, когда почти отделился от всего батальона, остался счетом двадцать один человек. А теперь разделился: интеллигентность осталась, а мягкость исчезла. Исчезла вместе с той прежней быстротой и рабочей улыбкой, которую уже трудно представить на его лице.

— А если как на духу, — сказал Синцов, — почему все же при всем знании языка не представляешь себя работником среди войск противника?

Задавая вслух этот вопрос Завалишину, он внутренне давал ему и самому себе: по-

чему тебе захотелось сюда, в полк? Чем тебе плохо там, где ты есть?

фрукты, а из фирменного графина на ночь глядя пьет юшку. А мы с тобой, как по-прежнему, что ли?

Он дернул флажку наготове.

— Давай по-прежнему. — сказал Синцов.

Завалишин налил водки и они чокунулись с Иллиным.

— За встречу, — сказал Иллинг, и одним духом выпил всю кружку компота.

— Позволь тебе представить, — выпил водки, сказал Завалишин, и кивнул на Илизина, закусывавшего компот соленым огурцом. — Командир полка, подполковник Иллинг, Николай Петрович. Он же Коля. Не курит, не пьет и не матерится. Сразу после войны отправил на выставку.

— На какую выставку? — улыбаясь, спросил Синцов.

— Уж не знаю. Будет, наверное, кака-нибудь. А куда же девать такое чудо? Получил на ней первое место, как образцовый командир полка, если к тому времени еще не успеет стать командиром дивизии.

— Давай лучше картофель беря, а то проговорился, пока не останется, — сказал Иллинг, пододвигая к Завалишину котелок с картошкой.

Сам он, пока Завалишин шутил над ним, успел покончить с огурцом и, очистив от кожуры и помакав в соль, сел три картошки.

— Что у меня ночуется и к восьми ровно будем доставать в штаб дивизии, — позволил. Комдива на месте нет, — в корпусе, а начальник штаба дал «добро», — сказал Иллинг, принимаясь чистить еще одну картошку.

— Позавчера, когда я к работе приступал, комдива тоже не было, — сказал Синцов. — Один Туманян в штабе.

— Все учения и учения, — сказал Иллинг. — То учения, то реконструкцию. Что-то нашей дивизии долго гвардейской не дадут. Может после этой операции дадут?

— После какой операции? — поддразнивал его Синцов.

— А что, все лето тут стоять будем? — сказал Иллинг. — Ладно, оставим эту тему. Трапеза лжыком никому не положена, ни вам, ни нам, но доходить своим умом не запрещается? Хотя бы до простых

истин, что дважды два — четыре? Или как?

— Что дважды два — четыре, не запрещается, — сказал Синцов.

— Видел, — сказал Синцов. — Как их сожгли, верно. с воздуха, так с сорок первого года и стоят, бедные, ничего внутри нет, одни пустые панцири. А красная-зеленая все же местами осталась — заметил? И еще один броневик видел, на повороте? Тоже один панцирь только. Не знаю отчего, а почти каждый видел, когда их выку, такое это за сорок первый год бер! Когда же мы за все, до конца с ними рассчитаемся? Если хочешь знать, а за тобой следил, когда мы с тобой в будущем нашем батальоне были. На вое батальон одно знакомое лицо встретил, так! Какая это радость? Я думал — скажешь об этом или нет. Не скажал. А почему? Потому что четвертый год на войне, знаешь, какал она есть. Перестал удивляться.

— Конечно, — сказал Синцов. — А чего другого можно было ожидать, когда и батальон, и полк через такие жестокие бои прошли.

— Говоришь — жестокие бои, — сказал Иллинг. — А в этих слов не признаю. Какие такие «жестокости»? Бои бывают или удачные или неудачные, каждый бой для кого-то из двух неудачный. А жестокий бой — что это за слова? Кто с кем жестоко попутину? Мы с ними, или они с нами? Если мы их больше уложили — значит для них этот бой — жестокий, а если они нас — значит для нас жестокий. Я на всякий бой так смотрю: больше дела — меньше крови. Исходя из этого и командую. И еще одно желательное — солдатскую жизнь поближе к своей шкуре познать. Это наилучшее понятие дает, что можно и чего нельзя на войне. То, что ты жестоко боишься называть, и понимаю, как — реальные. Когда принял верное решение и обеспечил себя зарплате, так, чтобы действительно добиться того, что решил. Таких жестоких бои я не боюсь, они для немцев жестокие...

— Видел, — сказал Синцов. — Как их сожгли, верно. с воздуха, так с сорок первого года и стоят, бедные, ничего внутри нет, одни пустые панцири. А красная-зеленая все же местами осталась — заметил? И еще один броневик видел, на повороте? Тоже один панцирь только. Не знаю отчего, а почти каждый видел, когда их выку, такое это за сорок первый год бер! Когда же мы за все, до конца с ними рассчитаемся? Если хочешь знать, а за тобой следил, когда мы с тобой в будущем нашем батальоне были. На вое батальон одно знакомое лицо встретил, так! Какая это радость? Я думал — скажешь об этом или нет. Не скажал. А почему? Потому что четвертый год на войне, знаешь, какал она есть. Перестал удивляться.

— Конечно, — сказал Синцов. — А чего другого можно было ожидать, когда и батальон, и полк через такие жестокие бои прошли.

— Говоришь — жестокие бои, — сказал Иллинг. — А в этих слов не признаю. Какие такие «жестокости»? Бои бывают или удачные или неудачные, каждый бой для кого-то из двух неудачный. А жестокий бой — что это за слова? Кто с кем жестоко попутину? Мы с ними, или они с нами? Если мы их больше уложили — значит для них этот бой — жестокий, а если они нас — значит для нас жестокий. Я на всякий бой так смотрю: больше дела — меньше крови. Исходя из этого и командую. И еще одно желательное — солдатскую жизнь поближе к своей шкуре познать. Это наилучшее понятие дает, что можно и чего нельзя на войне. То, что ты жестоко боишься называть, и понимаю, как — реальные. Когда принял верное решение и обеспечил себя зарплате, так, чтобы действительно добиться того, что решил. Таких жестоких бои я не боюсь, они для немцев жестокие...

— Видел, — сказал Синцов. — Как их сожгли, верно. с воздуха, так с сорок первого года и стоят, бедные, ничего внутри нет, одни пустые панцири. А красная-зеленая все же местами осталась — заметил? И еще один броневик видел, на повороте? Тоже один панцирь только. Не знаю отчего, а почти каждый видел, когда их выку, такое это за сорок первый год бер! Когда же мы за все, до конца с ними рассчитаемся? Если хочешь знать, а за тобой следил, когда мы с тобой в будущем нашем батальоне были. На вое батальон одно знакомое лицо встретил, так! Какая это радость? Я думал — скажешь об этом или нет. Не скажал. А почему? Потому что четвертый год на войне, знаешь, какал она есть. Перестал удивляться.

— Конечно, — сказал Синцов. — А чего другого можно было ожидать, когда и батальон, и полк через такие жестокие бои прошли.

— Говоришь — жестокие бои, — сказал Иллинг. — А в этих слов не признаю. Какие такие «жестокости»? Бои бывают или удачные или неудачные, каждый бой для кого-то из двух неудачный. А жестокий бой — что это за слова? Кто с кем жестоко попутину? Мы с ними, или они с нами? Если мы их больше уложили — значит для них этот бой — жестокий, а если они нас — значит для нас жестокий. Я на всякий бой так смотрю: больше дела — меньше крови. Исходя из этого и командую. И еще одно желательное — солдатскую жизнь поближе к своей шкуре познать. Это наилучшее понятие дает, что можно и чего нельзя на войне. То, что ты жестоко боишься называть, и понимаю, как — реальные. Когда принял верное решение и обеспечил себя зарплате, так, чтобы действительно добиться того, что решил. Таких жестоких бои я не боюсь, они для немцев жестокие...

— Видел, — сказал Синцов. — Как их сожгли, верно. с воздуха, так с сорок первого года и стоят, бедные, ничего внутри нет, одни пустые панцири. А красная-зеленая все же местами осталась — заметил? И еще один броневик видел, на повороте? Тоже один панцирь только. Не знаю отчего, а почти каждый видел, когда их выку, такое это за сорок первый год бер! Когда же мы за все, до конца с ними рассчитаемся? Если хочешь знать, а за тобой следил, когда мы с тобой в будущем нашем батальоне были. На вое батальон одно знакомое лицо встретил, так! Какая это радость? Я думал — скажешь об этом или нет. Не скажал. А почему? Потому что четвертый год на войне, знаешь, какал она есть. Перестал удивляться.

— Конечно, — сказал Синцов. — А чего другого можно было ожидать, когда и батальон, и полк через такие жестокие бои прошли.

— Говоришь — жестокие бои, — сказал Иллинг. — А в этих слов не признаю. Какие такие «жестокости»? Бои бывают или удачные или неудачные, каждый бой для кого-то из двух неудачный. А жестокий бой — что это за слова? Кто с кем жестоко попутину? Мы с ними, или они с нами? Если мы их больше уложили — значит для них этот бой — жестокий, а если они нас — значит для нас жестокий. Я на всякий бой так смотрю: больше дела — меньше крови. Исходя из этого и командую. И еще одно желательное — солдатскую жизнь поближе к своей шкуре познать. Это наилучшее понятие дает, что можно и чего нельзя на войне. То, что ты жестоко боишься называть, и понимаю, как — реальные. Когда принял верное решение и обеспечил себя зарплате, так, чтобы действительно добиться того, что решил. Таких жестоких бои я не боюсь, они для немцев жестокие...

— Видел, — сказал Синцов. — Как их сожгли, верно. с воздуха, так с сорок первого года и стоят, бедные, ничего внутри нет, одни пустые панцири. А красная-зеленая все же местами осталась — заметил? И еще один броневик видел, на повороте? Тоже один панцирь только. Не знаю отчего, а почти каждый видел, когда их выку, такое это за сорок первый год бер! Когда же мы за все, до конца с ними рассчитаемся? Если хочешь знать, а за тобой следил, когда мы с тобой в будущем нашем батальоне были. На вое батальон одно знакомое лицо встретил, так! Какая это радость? Я думал — скажешь об этом или нет. Не скажал. А почему? Потому что четвертый год на войне, знаешь, какал она есть. Перестал удивляться.

— Конечно, — сказал Синцов. — А чего другого можно было ожидать, когда и батальон, и полк через такие жестокие бои прошли.

— Говоришь — жестокие бои, — сказал Иллинг. — А в этих слов не признаю. Какие такие «жестокости»? Бои бывают или удачные или неудачные, каждый бой для кого-то из двух неудачный. А жестокий бой — что это за слова? Кто с кем жестоко попутину? Мы с ними, или они с нами? Если мы их больше уложили — значит для них этот бой — жестокий, а если они нас — значит для нас жестокий. Я на всякий бой так смотрю: больше дела — меньше крови. Исходя из этого и командую. И еще одно желательное — солдатскую жизнь поближе к своей шкуре познать. Это наилучшее понятие дает, что можно и чего нельзя на войне. То, что ты жестоко боишься называть, и понимаю, как — реальные. Когда принял верное решение и обеспечил себя зарплате, так, чтобы действительно добиться того, что решил. Таких жестоких бои я не боюсь, они для немцев жестокие...

— Видел, — сказал Синцов. — Как их сожгли, верно. с воздуха, так с сорок первого года и стоят, бедные, ничего внутри нет, одни пустые панцири. А красная-зеленая все же местами осталась — заметил? И еще один броневик видел, на повороте? Тоже один панцирь только. Не знаю отчего, а почти каждый видел, когда их выку, такое это за сорок первый год бер! Когда же мы за все, до конца с ними рассчитаемся? Если хочешь знать, а за тобой следил, когда мы с тобой в будущем нашем батальоне были. На вое батальон одно знакомое лицо встретил, так! Какая это радость? Я думал — скажешь об этом или нет. Не скажал. А почему? Потому что четвертый год на войне, знаешь, какал она есть. Перестал удивляться.

— Конечно, — сказал Синцов. — А чего другого можно было ожидать, когда и батальон, и полк через такие жестокие бои прошли.

— Говоришь — жесто

Режиссер Илья Гурин давно мечтал об организации этого известного произведения Юрия Германа. Он представлял себе, что это будет «антибесприданница» — произведение о женщине с огромным чувством собственного достоинства, которую самые жестокие, самые сложные обстоятельства не заставят стать «ещею».

И вот в содружестве с автором романа был найден «кинематографический эк-

вивалент». Ряд образов в сценарии получил дальнейшее развитие, стал сложнее, многограннее, в частности контрабандиста Скворцова, бывшего метрдотеля Пал Палача, человека со сложными переживаниями и пороками.

Через весь фильм «Наши знакомые», поставленный Ильей Гуриным на киностудии имени М. Горького, проходит судьба Антонины Старосельской, роль которой с боль-

шим мастерством исполняет молодая актриса Большого драматического театра имени Горького Наталья Тенякова. Много горьких дней выпало на долю Антонины после смерти родителей. Нелегко далась ей самостоятельная жизнь в те трудные годы периода изпа и первых пятилеток. Много страшных, трудных и жестоких людей встретилось на ее пути... Скворцов (актер Кирилл Павлов), Пал Палач

На снимке: кадр из фильма.

ЭТОТ ВОПРОС часто задается в письмах, поступающих в редакцию. Житель города Черногогорска И. Петрушенко просит помочь установить связь с бывшим комиссаром партизанской бригады Павлом Петровичем Новолоцким, который двадцать лет назад покинул Смоленщину и вернулся туда, где родился, — в Вологодскую область.

Известно, что он работал в лесной промышленности. Его жена — Вера Моисеевна, бывшая партизанка. У них было двое детей — Светлана и Верочка. Отзовитесь, друзья!

Мирон Гильванов из Башкирского города Туймаза пишет: «Я служил в 12-й Краснознаменной Печенгской бригаде морской пехоты Северного флота. Там в годы войны сражались также вологодчане коммунисты Федор Парахин, Василий Бутаков, Михаил Никулин и Кудрявцев. После победы над фашистской Германией все демобилизовались одновременно, а потом я потерял связь с боевыми друзьями. Очень хочется восстановить ее».

Вспоминает бывшее и гвардии капитаном запаса, бывший разведчик минометной батареи П. Смирнов, уроженец Устюженского района. Сейчас он живет в городе Борисове Минской области, учит детей в третьей средней школе. Он пишет:

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

«С чего начинается Родина»

СТРАДНИК

В июле средняя месячная температура воздуха в нашей области ожидается 16—17 градусов. Месячное количество осадков составит 60—80 мм. Малооблачная погода без осадков будет 6—7 и 21—25 июля; в остальное время — переменная, временами значительная облачность с лигнневыми дождями и грозами. Наиболее холодная погода будет 6—7 июля и в пятую пятидневку (ночью 4—7 градусов, днем 9—12 градусов), наиболее теплая — в большинстве дней второй декады (ночью 11—16, днем 17—22 градуса). В остальное время температура будет ночью 8—13, днем 14—19 градусов.

◆ ИЗ ДНЕВНИКА ФЕНОЛОГА

«Июль — макушка лета, сеноризация, страдник», — говорит народная мудрость. Богат дарами июль! Созревает по лесным вырубкам и полянам духовитая земляника, птичьим глазком выглядывает из-под листьев черника, а след за ними появляются морозника, поленика, копытник, малина, черемуха. Только, знай, не денись: кладки по яголке — наберешь кузовок. На лугах цветут уже летние травы. Медвяный густой аромат цветущих клеверов и лип привлекает к себе тысячи насекомых. Пчелиным гудом наполнены кроны лип. В этот период начинается сбор лекарственных трав. На полях в конце месяца посевы рожь, ранний картофель, овощи: «В июле на дворе пусто, да в поле густо».

◆ ИЗ ДНЕВНИКА ФЕНОЛОГА

Надуть — прогремело в июле 1937 года. Продолжается в июле сенокос. Играет, набрав полную силу, соловей. Но чувствуется уже, что лето пошло на убыль. Замолкают к концу страдника песни пернатых. Раньше всех кончат свои концерты соловей. С началом кошения яровых замолкает кукушка — «ячменным колосом подавилась». И вот уж первая примета спада лета — валится с березы одинокий желтый листик. Все короче становятся дни, темнее ночи, росистее утраченные зори... Перешагнуло лето свой апогей, клонится к осени.

С. ТОПОРКОВ.

ГДЕ ЖЕ ВЫ, ДРУЗЬЯ-ОДНОПОЛЧАНЕ?

Стрелковая дивизия и другие соединения Первого Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского. Здесь же активно действовали партизанские бригады «Платье», «Буревестник», «Первая», «Вторая», «Третья» (Минские) и другие. В связи с этим событием члены совета школьного музея «Герои и подвиги» пишут: «Мы знаем, что участники освобождения Пуховщины живут в Вологодской области. Просим их прислать нам свои воспоминания о боях на Пуховщине в 1944 году и указать свои адреса. Отзовитесь, фронтовые ветераны! Наш адрес: Минская область, ст. Пуховичи, почтовое отделение «Новая заря», Мариновская средняя школа № 3. Совет музея «Герои и подвиги».

Красные следопыты Вагановской школы Ленинградской области знают, что на берегу реки Морье есть братская могила погибших воинов сторожевого корабля «Конструк-

пчовое отделение «Ладомское озеро». Вагановская школа.

Продолжает поиск своих боевых друзей бывший разведчик 596-го Штеттинского артиллерийского полка Ю. А. Зозулинский. Его адрес: г. Львов, 22, ул. Люблинская, дом № 145, кв. 2. Он ищет встречи с теми, кто храбро сражался с гитлеровцами и прошел боевую путь от берегов Невы до Эльбы, кто отстоял Ленинград, третьего мая 1945 года на линии Висмар — Виттенберг закончил свои ратные походы.

«Нашей инициативной группой» — пишет Ю. А. Зозулинский, — «уже известны адреса 140 фронтовиков, поиск продолжается. Мы уже три раза собирались вместе. Четвертая встреча намечается в 16 часов 3 мая 1970 года, в Ленинграде метро «Владимирская». Ждем встречи с однополчанами, проживающими в Вологодской области. Приезжайте к нам при всех боевых орденах и медалях».

Вспомнив былые, отзовитесь, друзья-однополчане!

А. ЛАПТЕВ.

— У нас так не бывает, — заулыбался парни в рубке. Может, у вас и не бывало, но у нас судно провозило. За-видую я вам, ребята, — вдруг с грустинкой произнес старый лодчанин. — Какая техника у вас в руках дана! Вся жизнь и проработал на паровых судах, а пришли дизеля, не знаем мы, старика, этих моторов. Вот и стали лодчанами...

Можно было понять старого речника, его хорошую заистину к этим парням пятидесяти годов рождения. Умело водит они крупные суда по голубым дорогам, много знают. С восхищением смотрит Анатолий Александрович на проходящий мимо красавец «Волго-Дон». Пять тысяч тонн его водоизмещение. А ведь раньше, чтобы перевезти столько груза, потребовалось бы десять барж и два буксира. Всего четверть суток надо было бы на паровых судах.

«Волго-Дон», чтобы преодолеть расстояние от Череповца до Ленинграда. Три недели ушло бы на паровых судах, а теперь — три дня. Другие времена — другие песни.

Наш теплоход шел сквозь белую ночь, и рассказам лодчана не было конца. Наконец-то показалось Сиверское озеро, позолоченное восходящим солнцем. Тут же волны качали зарю, а из воды все выше и выше поднимались белокаменные башни и стены Кирилло-Белозерского монастыря — нашего северного Китеж-града.

Здравствуй, древний Кирилло-Белозерский монастырь!

А. СУШИНОВ. Борт теплохода СТ-513.

На Череповецком ипподроме состоялись гонки сильнейших спортсменов Вологды, Сокола, Череповца, Великого Устюга и у нас вместе с этими коллегиями они продолжали спор за право быть обладателями кубка обоим комсомолу.

С. ПАВЛОВ.

Среди юностей первенство завоевал спортсмен из Череповца Виктор Шибанов, во втором месте оказался представитель Вологодского автомотоклуба Владимир Дьяченко.

У мужчин в классе машин 125 куб. см. чемпионом области стал перворазрядник Череповецкого металлургического завода Аркадий Мальцев. Прошлогодний чемпион вологодчанин Игорь Загалева стал только третьим. В классе машин 175 куб. см. лидировал во всех заездах и стал чемпионом области перворазрядник череповецчанин Анатолий Титов, вторым оказался представитель металлургического завода Юрий Темников.

Особенно острой была борьба у мужчин в классе машин 350 куб. см. Уверенно выиграл гонку и стал чемпионом области перворазрядник Геннадий Бандалов. Чемпион 1968 года череповецчанин Леонид Егоров стал вторым призером.

Первое командное место и переходящий кубок обкома ДОСААФ завоевала вторая команда Череповецкого металлургического завода, первая команда этого же завода — второе место, а третья — команда «Череповецметаллургстроя».

А. АВЕРЬЯНОВ, старший инструктор обкома ДОСААФ.

Редактор Н. М. ЦВЕТКОВ.

ЗАВТРА, 30 ИЮНЯ

ИМЕНИ ГОРЬКОГО. Большой зал — «В день свадьбы». Сеансы: 9.40, 11.20, 13.00, 15.00, 17.00, 19.00, 21.00. На удлинённом сеансе — кинопанорама. На сеансе в 9.30 — «Пропало лето».

МУЗЫКАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ — «Один человек лишится». Сеансы: 17.19. На сеансе в 15 часов — «Королевская регата».

ГОРОДСКОЕ ДОМ КУЛЬТУРЫ — «Девочка Розмари». Сеансы: 15, 16.50.

«ОКТЯБРЬ» — «Наши знакомые». Сеансы: 15, 17, 19, 21. На сеансах в 11 и 13 часов — «Трактористы».

«СПУТНИК» — «Бриллиантовая рука». Сеансы: 13, 17, 19, 21. На сеансе в 11 часов — «Сказка о царе Салтане». На сеансе в 13 часов — «Пущин едет в Прагу».

«ОКТЯБРЬ» — «Личное известие». Сеансы: 15, 17, 19, 21.

29 ИЮНЯ ЗАКРЫТИЕ ГАСТРОЛЕЙ МОСКОВСКОГО ПЕРЕДВИЖНОГО ЦИРКА

Начало представлений в 12, 15 и 19 часов 30 минут.

30 ИЮНЯ ЗАКРЫТИЕ ГАСТРОЛЕЙ Грозненского республиканского драматического театра им. М. Ю. Лермонтова.

В помещении Дворца культуры желе- «Дорожки» 29 июня — «Мария Тюдора». Начало в 19.30.

В помещении драмтеатра (по просьбе зрителей) 29 июня — «Лугня». Начало в 19.30.

Билеты продаются в кассе филармонии с 13 до 19 часов. Телефон: 2-13-84.

ВОЛОГДСКИЙ СУДОРЕМОНТНЫЙ ЗАВОД ПРИГЛАШАЕТ НА РАБОТУ

капитанов пароходов, паротеплоходов, штурманов, помощников механиков. Возможно совмещение профессий. За справками обращаться по адресу: г. Вологда, ул. Машиностроительная, 26. Проезд автобусами маршрутов №№ 8 и 14, остановка «Судоремзавод».

Областное совещание изобретателей и рационализаторов СОСТОИТСЯ 30 ИЮНЯ

в помещении областного драматического театра. Начало совещания в 11 часов.

Торжественное собрание, посвященное пятидесятилетию со дня подписания В. И. Лениным «Положения об изобретениях», проводится 30 июня в областном драматическом театре. Начало собрания в 18 часов 30 минут.

Приглашаются на работу

машиностроительная — редакция областной газеты «Красный Север». Обращаться: г. Вологда, ул. Урицкого, 26, комната 26. Телефон: 2-04-62.

шоферы, автолесари, электрогазосварщики. Вологодский автомотоклуб № 1116. Желательно получить профессионально шофера 3-го класса, приглашаются «Красный Север». Обращаться: г. Вологда, ул. Фридрихсбургская, 38, автомотоклуба № 1116. Телефон: 2-15-81.

инженеры и техники-геологи, топографы, шоферы на грузовых автомобилях, шоферы на легковом транспорте. Обращаться: г. Вологда, ул. Горького, 90-б.

фрезеровщики, сверловщики, токарники, формовщики, разметчики и ученики по этим специальностям: электрогазосварщики, слесари, резчики, шоферы, грузчики, кладовщики, рабочие по уборке цехов (можно на неполный рабочий день), плотники, инженеры-механики, инженеры-технологии, инженеры-конструкторы, инженеры-экономисты, инженеры-бухгалтеры, инженеры-машинисты. Обращаться: г. Вологда, ул. Заводская, 22.

шоферы и автогазовщики — Вологодским автораспределительным предприятием. Справиться по адресу: ул. Гагарина, 66.

инженер отдела главного механика, швейномоторист, моторист на специальные машины, ученики по этим специальностям, электромонтер, грузчики на подкосу тканей, подсобные рабочие по ремонту цехов, фрезеровщики, маляры, бухгалтер, кладовщики (мужчина), уборщицы — швейной фабрики. Обращаться: г. Вологда, ул. Мира, 1; школьники и пенсионеры на пропону лодочных пантонажей. Вологодским гидроподъемником.

ВОЛОГДСКАЯ ГЕОЛОГОРАЗВЕДЧНАЯ ПАРТИЯ ПРИГЛАШАЕТ НА РАБОТУ

старших и сменных буровых мастеров, помощников буровых мастеров, водителей тнх АТ-15, шоферов, штукатуров, мастеров и рабочих ручного бурения.